

## ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И ЗАПАДНОМ МИРЕ (сравнительный анализ)

О. А. УСАЧЕВА

*УСАЧЕВА Ольга Александровна - младший научный сотрудник сектора социально-экологических исследований Института социологии РАН (E-mail: olgausacheva@yandex.ru).*

**Аннотация.** Дается сравнение экологического активизма в постсоветской России и Западном мире по таким параметрам как взаимоотношение гражданских экологических организаций и государства, типы и формы активизма, отношение активистов к населению, роль информационных технологий в транснационализации экоактивизма\*.

**Ключевые слова:** экоактивизм \* типы и формы экоактивизма \* мобилизация ресурсов \* организация \* сети \* НКО \* устойчивость

**Исторические корни.** Экологический активизм (далее экоактивизм) в России, как в стране преобладающей европейской культуры, имеет общие корни с Европой конца XIX - начала XX веков. Во-первых, это интенсивная индустриализация-урбанизация, требовавшая сохранения естественных природных ландшафтов для отдыха, рекреации и экологического просвещения. Отсюда родилась идея национальных парков,

стр. 23

---

\* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ "Природоохранные сети России: структура, функции, человеческий капитал" (грант N09 - 06 - 0061 а).

получившая особое распространение в США. В Великобритании идея городов-садов реализовывалась в движении городов-садов (Howard, 1902), прерванном Первой мировой войной, но возрожденное советскими учеными и урбанистами в 1930-х гг. в форме "зеленого города" (Барш, Гинзбург, 1930), который должен был стать эталоном социалистического города. В конкурсе на проект такого образцового города приняли участие известные иностранные урбанисты Ле Корбюзье и Эрнст Май. Во-вторых, это осознание необходимости сохранения участков дикой (первозданной) природы для научных целей, а также подготовки специалистов охраны природы. Так родилась концепция особо охраняемых территорий (заповедников и заказников) (Реймерс, Штильмарк, 1978). Несмотря на войны, голод и другие социальные катаклизмы, идея и практика создания заповедных территорий и, соответственно, людей, их изучавших и охранявших, получила в России/СССР особое распространение. Однако следует отметить одну особенность. Хотя у нас, как и на Западе, научная интеллигенция была в авангарде экологического движения, формировала его идеологию и практику, Россия еще долго оставалась крестьянской страной, и власть легко инициировала массовое движение под шапкой Всероссийского общества охраны природы (ВООП), вовлекая туда молодежь и рядовых граждан.

**Типы и формы эоактивизма в России и в Западном мире.** Здесь мнения российских и западных социологов расходятся. Экосоциологи Запада, прежде всего в США, выделяют три типа активизма. Так ведущий теоретик мировой экосоциологии Р. Данлэп во главу угла ставит политическую ориентацию гражданской экологической организации: нейтральную, реформистскую, радикальную и соответствующие формы гражданского действия: научно ориентированную, реформистскую и протестную (Dunlap and Mertig, 1991). Некоторые из западных авторов выделяют специально экологическую дипломатию (environmental diplomacy) как основную форму эоактивизма (Susskind, 1994), которая в век глобализма приобретает все большее практическое значение. Ее антипод - радикальная экология, то есть активизм, направленный на коренное переустройство общества на началах самоорганизации местных сообществ безо всякого диктата государства. Как пишет Мершант, "радикальная экология находится на острие социальной экологии, подталкивая общество и сознание его граждан к улучшению качества жизни" (Merchant, 1992: 9). Английские авторы больше внимания уделяют низовой (grassroots) политически активной про-экологической деятельности в виде зеленых партий и политических движений (Young, 1993). Но все они делают акцент на форме и характере деятельности *гражданских экологических организаций*.

Так, Л. Генри (Henry, 2010), изучая стратегии выживания и развития российских экологических некоммерческих организаций (НКО), исходит из общей трактовки гражданского общества как политической арены, "где самоорганизующиеся группы, движения и индивиды, относительно автономные от государства, пытаются выражать ценности, создавать ассоциации и солидарности, и продвигать свои интересы" (Linz and Stepan, 1996, p. 7). При изменении политического режима гражданское общество выступает то в роли наблюдателя, то является результатом самого процесса демократизации, а его относительная сила может быть объяснена не только политической культурой страны, но и религиозными традициями или географической близостью с Западом. Следует напомнить, что в советский период складывалась несколько иная тенденция: массовая мобилизация населения происходила постоянно, а самоорганизация снизу пресекалась. Тем не менее, российское экологическое движение (в его разных формах) возникло именно в советский период. Л. Генри использует понятие "общественная организация" для описания ряда самоорганизующихся, негосударственных, некоммерческих групп. Все рассматриваемые экологические группы являются, по ее мнению, частью экологического движения в России, основанного на чувстве солидарности, которое поддерживает их активизм. Она акцентирует внимание, прежде всего на самих организациях, а не на протестной или иной деятельности их участников. Еще один вопрос касается англоязычного термина

"*environmentalism*". По ее утверждению, данное слово как отдельная форма термина "экология" или "окружающая среда", не существует в русском языке. Отмечу, однако, что российские исследователи используют этот термин в своих работах (см. О. Н. Яницкий, 1996).

Генри выделяет три типа экологических организаций России: организации местного сообщества, профессиональные и организации, пользующиеся правительственной поддержкой. Все они имеют разные траектории организационного развития. Однако нужно сделать несколько замечаний. Организации, поддерживаемые правительством, характеризуют себя как негосударственные организации. Организации местных сообществ работают на местном уровне, и сам термин не подразумевает массовое членство в этих организациях. Термин "профессиональные" указывает на поддержание определенной организационной формы - "профессиональных" НКО западного типа. Этот тип организаций нельзя путать с другими профессиональными ассоциациями, такими как союзы врачей, адвокатов или других профессиональных групп.

*Организации местных сообществ* - инициативные группы, достаточно неформальные, не имеющие офиса и оплачиваемого штата. Активисты, как правило, заняты проблемами, вызывающими беспокойство на местном уровне, такими как чистота и безопасность рекреационных зон, экологическая осведомленность детей. Некоторые местные группы также концентрируются на экологической духовности и создании новых экологических идеологий. У таких организаций часто нет тесных сетевых связей с другими экологическими организациями и очень мало международных связей. Поскольку в основном они аполитичны, их отношения с властью нейтральные или дистанцированные. Часто такие организации руководятся школьными учителями и полагаются на локальные ресурсы для осуществления своей деятельности. Хотя некоторые группы иногда получают небольшие гранты (\$ 1500 или меньше), в целом они учатся существовать без финансовых ресурсов, выживая за счет энтузиазма и волонтерства своих членов или за счет местных пожертвований.

*Профессиональные организации* - относительно институционализированные, часто работают по международной экологической проблематике (изменение климата, биоразнообразие, устойчивое развитие), вступают в партнерство с транснациональными экологическими организациями, при этом имея мало связей с местным населением. Основное финансирование организаций приходит от иностранных доноров. Есть большая вероятность, что эти организации будут противниками или критиками местной и региональной власти, выступающими против существующей государственной экологической политики. Их лидерами часто являются естествоиспытатели и другие ученые.

*Организации, поддерживаемые властью*, как, например, Всероссийское Общество Охраны Природы (ВООП) работают с местными или региональными администрациями для реализации существующих законов, касающихся охраны окружающей среды. Их международные связи невелики, а сотрудничество с местным населением опосредовано советским прошлым: остатки массового членства в организациях или коллективное членство в исследовательских и академических институтах. Эти группы спонсируются органами государственной или муниципальной власти (см. Яницкий, 2002).

В теории общественных движений исследование организаций занимает второстепенное значение по сравнению с изучением протестной деятельности, уровня участия и мобилизационных сетей. Организации упоминаются в связи с их ролью по обеспечению ресурсами, институциональной базой и организацией массовых протестов (Zald and McCarthy, 1987). В работе Генри, Янга и других в качестве основного выбран организационный подход. Авторы подчеркивают, что определение существующего недовольства, потоки ресурсов, доступ к политической арене, восприятие экологических проблем - не независимые факторы, а взаимосвязанные и взаимно усиливающие. Такой подход уделяет внимание большому количеству факторов, связанных с ролью

ресурсов и поддержке активизма. Авторы, разделяющие эту позицию, выстраивают теорию, объясняющую, какие условия позволяют общественным экологическим организациям влиять на политические изменения, а также - выявлять транснациональную природу экоактивизма.

Однако российскими социологами был разработан иной подход к интерпретации экоактивизма, основанный на различии ценностных установок активности и на этой основе объединяющихся в группы и движения. Так, Яницкий по этому критерию выделяет семь групп: *консервационисты* (природоохранники, не занимающиеся политикой); *эко-анархисты*, напротив ставящие, как и западные *эко-радикалы*, коренную реконструкцию политической системы общества во главу угла; *альтернативисты*, близкие по духу к предыдущей группе, но в большей степени занятые практическим созданием экологически безопасных для природы и человека поселений; *традиционалисты* - направление, ориентированное на охрану памятников природы и культуры, в том числе прошлых эпох (в этом они близки движению краеведения, которое существовало еще и дореволюционной России); *экополитики*, в основном мотивированные самим фактом участия в политической борьбе (некоторые из них создавали зеленые партии, которые быстро распались) и, наконец, *экотехнократы* (Халий, 1996; Яницкий, 1996, 2002).

О последней группе следует сказать особо. Сначала, в 1990-х гг. они, продолжая советскую традицию, фактически были рационализаторами и изобретателями от экологии, и никакой политической деятельностью не занимались. Но поскольку технократизм был и остается интегральной частью господствующей идеологии, экотехнократы постепенно набирали политический вес, и сегодня они претендуют на политическое лидерство в процессах экомодернизации страны.

Несмотря на разные мнения исследователей, в целом, нельзя сказать, что экоактивизм в России и на Западе сильно отличается. Исследование, приводимое в шестнадцати европейских странах, включая СССР, показало, что типы и формы общественного активизма в охране природы в городах примерно совпадает (Cities of Europe..., 1991).

**Активисты и население.** Экологические проблемы мобилизовали тысячи граждан в период перестройки. В начале 1990-х гг. массовая активность пошла на спад, но общественные организации уже распространились по многим регионам, как осадок волны массового протеста. Часть их действительно работала, часть бездействовала, но все они поддерживали общие цели экодвижения, создавая базу новой массовой мобилизации. К тому же для российских активистов создание формальных организаций служит некоторой страховкой, так как они получают законный статус, которого сети, кампании или индивидуальные акции не имеют. Именно благодаря межличностным связям (семейным, дружеским и т.д.), которые сегодня именуется социальными сетями, "в 1970 - 1980-х годах в СССР были созданы огромные запасы социального капитала, иначе бы миллионы людей не вышли на улицы. <...> Выживание людей в этот период (и материально, и духовно) во многом обеспечивалось взаимным доверием и неформальными общностями. Нарботанный социальный капитал стал топливом революционных событий 1989 - 1991 гг." (Аузан, 2005, с. 18). С другой стороны, транснациональные доноры предпочитают направлять помощь законно зарегистрированным группам.

После распада СССР российские экоактивисты внезапно предстали перед важным выбором. В условиях растущего политического и экономического давления со стороны государства, они вынуждены были искать ресурсы, выбирать возможных союзников, и определять, что значит быть экоактивистом в постсоветской России. Несмотря на экономический кризис и сужение коридора политических возможностей последние двадцать лет было создано множество экологических организаций, прежде всего в 1990-е гг., которые выжили и даже окрепли. Тем не менее, их общее число незначительно. Так, по данным World Values Survey в конце 1990-х гг. членство в экологических организациях в среднем равнялось 5,2% в 56 исследуемых странах,

в России сопоставимое число составляло 1,7% в 1990 г. и 0,7% в 1999 г. (Dalton, 2005). Невысокий уровень участия в экологических организациях подтверждают и данные, полученные в исследовании Л. Генри: активными членами изучаемых организаций являются в основном от 5 до 13 человек (Henry L, 2010).

Экономический кризис 1990-х гг. не давал возможности россиянам вносить существенный финансовый вклад в виде пожертвований или членских взносов на поддержание работы общественных организаций. Из всех экологических организаций массовым членством отличаются только такие крупные, как Greenpeace-Russia и WWF-Russia, которые являются отделениями соответствующих международных организаций. Несомненно, что статус отделения международной организации способствует большей узнаваемости и, соответственно, привлечению сторонников. Следует подчеркнуть, что западные исследователи российского экономического движения мало внимания уделяют его доперестроечному периоду, а ведь первым масштабным общественным движением, возникшим в Советском Союзе еще в 1960-е годы, было именно Движение студенческих дружин охраны природы (Мухачев, Забелин, 1992, 2001), причем это было сетевое движение, хотя тогда еще не было таких мощных коммуникационных технологий как Интернет, которые могли бы связывать участников этой сети беспрепятственно.

Тем не менее, отношение "экоактивисты - местное население" за 20 лет сильно изменилось. Сначала экоактивисты, выходцы из биологических, географических и почвенных вузов, претендовали на ведущую роль: "Мы, профессионалы, знаем лучше!" Существовала своего рода "экологическая вертикаль", которая в основном боролась с браконьерами и другими нарушителями природоохранного законодательства. Однако по мере того, как государство ослабляло экологический контроль, а капитализм развивался, научная интеллигенция и местное население стали объединяться в борьбу против мега-проектов, разрушающих природные экосистемы (особенно транснациональные нефте- и газопроводы). Возник другой лозунг: "Защитим природу вместе с народом!" Действительно, за 20 лет экоактивисты обрели знания и практический опыт для участия в самых разных формах экологической защиты: государственных и общественных слушаниях, общественной экспертизе, судебных тяжбах, организации митингов, протестов, одиночных пикетов и т.д. Выделилась особая группа экоактивистов, которая разрабатывала социальные технологии продвижения экологических требований на политическую арену (Мардарь, 2008). Естественно, что в этих делах они опирались на опыт своих зарубежных единомышленников. Наконец, в последние годы произошли две принципиально важные вещи: объединение экоактивистов с другими социальными движениями (обманутых дольщиков, противников роста коммунальных тарифов) и их общая политизация, то есть выдвижение на первый план реализацию их политических прав и свобод, зафиксированных в Конституции РФ.

Л. Генри утверждает, что наследие коммунистической системы не является исключительно негативным для перспектив экомобилизации в постсоветской России. Институты, сети, а также нормы, которые возникли в советское время, сохраняются сегодня и формируют современный активизм. Экологические лидеры, зависимые от профессиональных норм, в которых они социализировались, и прошлого опыта взаимодействия с государством и общественными авторами в советский период, имеют разный доступ к мобилизационным ресурсам, и этот опыт отражается в разном видении своей идентичности как инвайронменталиста и поведении по отношению к государству и гражданам (Henry, 2010).

После распада Коммунистической партии регионы РФ получили значительную автономию в период правления президента Б. Ельцина. В 1990-х гг. региональные правительства осуществили программы экономических и политических реформ, которые заметно отличались от тех, которые проводились федеральным центром. Как правило, уровень экомобилизации измеряется количеством участников, организаций и публичных протестов (акций), которые концентрируются вокруг конкрет-

ной проблемы на определенной территории в течение конкретного времени. Однако, несмотря на изученные исследовательской группой Л. Генри разные региональные контексты, собранные в пяти городах данные, показали удивительно схожий низкий уровень мобилизации вокруг экологических проблем, измеряемых числом экологических организаций за 100 тыс. жителей и среднем количестве членов НКО.

По-видимому, наибольшие трудности массовой мобилизации вызывают не столько экологические проблемы, инертность политических движений или пассивность населения для поддержки экологических акций, сколько необходимость найти недостающие ресурсы для продолжения своей деятельности. Поэтому, хотя финансовые ресурсы очень важны, гражданские экологические организации, в первую очередь, опираются на человеческие ресурсы (социальный капитал) в своей деятельности, хотя, конечно, денежные пожертвования от общественных институтов или коммерческих организаций, небольшие членские взносы и бесплатная реклама в местных газетах имеют значение.

**Перспективы устойчивости и выживания.** Устойчивость *организаций местных сообществ* во многом зависит от экономического роста и стабильности, поскольку все основные ресурсы они получают от местных жителей. Их главное отличие от подобных организаций в США состоит в том, что они не могут предлагать платных услуг и, таким образом, самостоятельно зарабатывать деньги на свои нужды. Эти организации предпочитают небольшие проекты и выбирают более ограниченные цели. Опора на волонтеров делает эти группы более жизнеспособными в изменяющихся экономических условиях.

*Профессиональные организации*, более всех схожие с западными эконоНКО, часто бывают вовлечены в международные проекты, поэтому чаще других типов используют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), создавая собственные страницы или отдельные сайты в Интернете. Этот тип зарегистрированных общественных организаций, по мнению Генри, представляет собой новую институциональную форму в российском обществе. Юридическая регистрация является большей морокой, но она необходима, так как иностранные фонды могут финансировать только те организации, которые имеют счета в банках.

Устойчивое развитие российских эконоНКО, отмечает автор, мало зависит от самофинансирования, так как, по мнению активистов, в большинстве случаев они не могут зарабатывать, предлагая платные услуги (например, проведение исследований или экспертиз), в этом их главное отличие от западных неправительственных организаций. Что касается будущего устойчивого развития, то большинство лидеров настроены оптимистично, так как имеют успешную стратегию мобилизации ресурсов в постсоветский период.

*Организации, поддерживаемые государством*, представляют, по мнению автора, новый гибридный тип активизма в России. Эти организации юридически зарегистрированы, имеют оплачиваемый штаб, формальную организационную иерархию. Часто они имеют массовое членство, но оно носит формальный характер. Например, Владимирское общество охотников и рыболовов заявляет о почти 20 тысячах членов - все они обращаются в организацию за охотничьей лицензией, но большинство не выполняет никакой другой роли в организации.

Большинство этих групп создано при участии людей, обеспокоенных состоянием окружающей среды и имеющих отношение к государственной власти. Многие их лидеры имеют опыт работы на управленческих или партийных постах. Хотя их независимость в советский период была сильно ограничена, сейчас они заявляют свою автономию от государства и управленческих институтов.

Ожидания лидеров этой группы относительно будущей устойчивости основываются на длительной истории организации (как в случае с ВООП, основанного еще в 1924 г. и действующего до сих пор), крупном размере и большей, по сравнению с другими, стабильностью, так как этот тип организаций поддерживается государством

и меньше страдают от экономической нестабильности. В то же время, отмечается, что эти организации могут так никогда и не реализовать свой потенциал из-за недостаточного интереса к экологическим проблемам у правительства. В свою очередь, можем отметить, что тенденция создания псевдо-НКО активно нарастает, что дискредитирует работу настоящих некоммерческих организаций. По прогнозам ГУ-ВШЭ, уровень доминирования государственных структур в развитии организаций гражданского общества будет возрастать. А вместе с тем будет увеличиваться количество псевдо-НКО.

Общей чертой стратегии выживания экоНКО были разделены одной крупной организации на несколько более мелких, чтобы повысить вероятность получения ресурсов на реализацию своих проектов. Другие активисты считают, что такая ситуация стала естественным следствием политической либерализации, результатом *"слишком большой свободы"* и *"желанием каждого быть самому себе хозяином"*, и привело активистов к тому, что они *"забыли, что работают ради одних целей"*.

Другая стратегия выживания - множественное членство - сформировалась из-за существования проблемы нехватки ресурсов на индивидуальном уровне. Экологи часто сохраняют свои профессиональные позиции как ученых, государственных служащих или педагогов, работая в качестве лидеров общественных организаций. Активисты также часто причисляют себя к нескольким НКО, иногда даже занимая лидерские роли в нескольких одновременно (практика множественного членства отмечена российскими исследователями А. Кузьминой и О. Яницким). Такая форма адаптации оказалась более предпочтительной, чем работа в качестве независимого активиста, как это часто бывает в экологических движениях в других частях мира (см., например, Diani, 1995).

Организационные стратегии формируются еще и в зависимости оттого, как организации понимают понятие "инвайронментализм". Российское экологическое движение, объединяя разные общественные группы, долгое время соединяло в себе разные цели. Существовало противоречие между романтическим видением природного мира, связанного с различными движениями возврата к земле, берущими начало в дореволюционный период, и более рациональным, технологически-ориентированным подходом, который доминировал в советскую эпоху. Другие тенденции в российской мысли связаны с тем, какую роль играют экологические проблемы в изменении местной культуры, экономическом развитии, определении национальной идентичности, в способности преодолевать национальные границы и служить основой глобального видения. В период перестройки экологическая мобилизация рассматривалась по-разному: как средство реформирования коммунистического режима, восстановление суверенитета Российской Федерации или как инструмент установления нового демократического порядка.

Активистская интерпретация зависит также от социальной принадлежности лидеров организаций, которая детерминирует ряд *"допустимых"* союзников и тактик. По Генри, лидеры местных организаций концентрируются на "человеческой экологии" и развитии местного сообщества. Одной из важных целей является трансформация "средового" сознания человека. Они представляют методы реформирования школьных учебных планов и восстановления сетей сообществ. Для достижения этих целей, лидеры часто возвращаются к традициям советского периода, считая необходимым, например, возвращение субботников или добровольного труда. Члены местных организаций убеждены, что только совместная работа может улучшить качество их жизни.

Лидеры профессиональных организаций, представляя собой авангард экодвижения, придерживаются научного значения термина *"экология"* и озабочены макро-уровневыми целями, такими как устойчивое развитие. Для них характерна уверенность в том, что получив надлежащую подготовку и опыт, они *"знают, что лучше для природы"* и что они должны играть ведущую роль в ее защите. Такие лидеры редко ищут поддержку у местного сообщества или у представителей власти, ориентируясь

на партнеров, думающих таким же образом, в масштабах страны или всего мира. То есть они больше космополиты, чем представители других типов организаций. Это часто означает разобщенность профессиональных организаций и местного населения. Например, по мнению первых, финансирование должно направляться на экологическое образование и защиту редких видов животных, тогда как местные жители хотели бы, чтобы деньги тратились на предупреждение пожаров, развитие экотуризма и традиционного использования ресурсов (данные 1999 г.). Организации, пользующиеся поддержкой властей, фокусируются на идеях рационального использования ресурсов, считая, что правительство определило должный баланс между охраной окружающей среды и экономическим ростом. Эти организации воздерживаются от иностранного финансирования, так как считают решение российских проблем делом сугубо национальным.

Теперь подробнее о деятельности рассматриваемых организаций. Л. Генри выделяет их общие черты: они все считают, что их основной целью является борьба с экологическим кризисом; всем им знакомо негативное отношение политической системы по отношению к проблемам окружающей среды, и они все ищут стабильный источник ресурсов, который позволит им продолжить свою деятельность.

*Организации местных сообществ* в основном заняты интересами местного населения, и большая часть их проектов связана с образовательной деятельностью, как для детей, так и для взрослых. Кроме нее, они занимаются информированием о состоянии окружающей среды местного населения и властей, лоббированием и пропагандой экологической духовности и экологической этики. *Профессиональные организации* занимаются проблемами регионального, национального, международного значения и налаживают связи с государственной властью и транснациональными акторами для достижения своих целей. Чаще всего их работа связана с исследовательской и охранительной деятельностью, экспертизами, распространением информации и поддержкой более мелких общественных организаций (они работают и как ресурсные центры НКО). Почти половина из них выступает в роли лоббистов от экологии. Периодически осуществляемые ими протестные акции вызывают жесткую реакцию силовых структур, что может обернуться для них негативными последствиями. К тому же доноры не склонны финансировать политические акции. Из-за подобных препятствий в российском экологическом движении осталось очень маленькое радикальное крыло. Те, кто *получают государственную поддержку*, как и в советский период, продолжает взаимодействовать с государственной администрацией и являются сторонником государственной политики.

Л. Генри и другие западные авторы приходят к выводу, что многие стороны советского наследия являются препятствием в развитии гражданского общества современной России. Однако некоторые аспекты, например, крепость межличностных связей, помогавшие выживать в советское время, носят для экологических организаций позитивный характер. Возрастает влияние транснациональных факторов на российское экологическое движение. Международная поддержка профессиональных организаций позволяет им, в отличие от других НКО, сохранять большую степень автономии от государства, и смелее критиковать государственную экополитику. Так, лидеры транснациональных организаций считают, что даже минимальная финансовая помощь российским НКО, может повлечь значительное улучшение состояния окружающей среды. Однако успех российского экологического движения в большей степени зависит от внутригосударственных факторов - состояния политической системы и поддержки населения.

Наконец, по Генри, получается, что российское экологическое движение, состоит только из профессиональных организаций. Но недавние события, связанные с летними пожарами в России, выявили новых акторов гражданской мобилизации. Появились свободные объединения людей в виртуальном пространстве, поскольку они реализовывали свои намерения, связанные с помощью погорельцам, используя Интернет как публичную площадку, которой долгое время так не хватало гражданскому обществу.



Время покажет, станет ли подобная стратегия обычной для гражданских организаций в будущем, но то, что современные информационно-коммуникационные технологии создают новые стратегии мобилизации и даже новые виды объединений, которые уже определенным образом влияют на принятие решений государственной властью, являются фактом.

Транснационализация капитала и рынка порождают транснационализацию экологического активизма. Он соединяет в себе протестные, реформистские и прогностические (упреждающие экокатастрофы и другие разрушающие природные экосистемы) действия. Серия глобальных форумов на высшем и субконтинентальном уровнях, включая Всемирный социологический конгресс (2010 г.) показывает, что экологические проблемы возвращаются в глобальную политическую повестку дня. Российская власть после пожаров и наводнений 2010 г. уже не может не реагировать на экологические требования гражданских организаций. Виртуальные сети увеличивают совокупный социальный капитал экологического движения. По массовости экологических выступлений современная Россия приближается к годам демократического подъема 1990-х гг., хотя сопротивление власти и бизнеса тоже усиливается. Представляется, что российский экологический активизм движется в направлении консолидации своих ресурсов и усилий.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аузан А. А.* 2005. Россия как реальность. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. N 3.
2. *Барц М. О., Гинзбург М. Я.* 1930. Зеленый город // Современная архитектура. N 1 - 2.
3. *Мардарь И. Б.* 2008. Социальные технологии некоммерческого сектора. Ростов-на-Дону: Новопринт.
4. *Мухачев С. Г., Забелин С. И., ред.* 1992. 30 лет движения. Неформальное природоохранное молодежное движение в СССР. Факты и документы. 1960 - 1992. Казань: Терра.
5. *Мухачев С. Г., Забелин С. И., сост.* 2001. И мир пройдет по нашим вехам. Студенческому Движению дружин по охране природы - 40 лет. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы.
6. *Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р.* 1978. Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль.
7. *Халий И. А.* 1996. Акции экологического движения: руководство к действию. М.: "МАТРА".
8. *Яницкий О. Н.* 1996. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.
9. *Яницкий О. Н.* 2002. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск: Сибирский Хронограф.
10. *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment.* 1991. *O. Yanitsky and Deelstra T., eds.* Moscow: International Relations Publishing House, 1991.
11. *Dalton R.J.* 2005. The Greening of the Globe? Cross-national Levels of Environmental Group Membership. *Environmental Politics* 14 (4): 441 - 59.
12. *Diani M.* 1995. Green Networks: A Structural Analysis of the Italian Environmental Movement. Edinburgh University Press.
13. *Dunlap R. and A. Mertig.* 1991. American Environmentalism. The US. Environmental Movement, 1970 - 1990. Philadelphia: Tailor and Francis.
14. *Henry L.* 2010. Red to Green. Environmental Activism in Post-Soviet Russia. Ithaca: Cornell University Press.
15. *Howard E.* 1902. The Garden Cities of Tomorrow. London.

16. *Linz J. and A. Stepan*. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.
17. *Merchant C*. 1992. *Radical Ecology. The Search for a Livable World*. N.Y.: Routledge.
18. *Young S*. 1993. *The Politics of the Environment*. Manchester: Baseline Books.
19. *Susskind L*. 1994. *Environmental Diplomacy. Negotiating. More Effective Global Agreements*. N.Y.: Oxford University Press.
20. *ZaldM. and J. McCarthy, eds*. 1987. *Social Movements in an Organizational Society*. New Brunswick, NJ: Transaction Book.